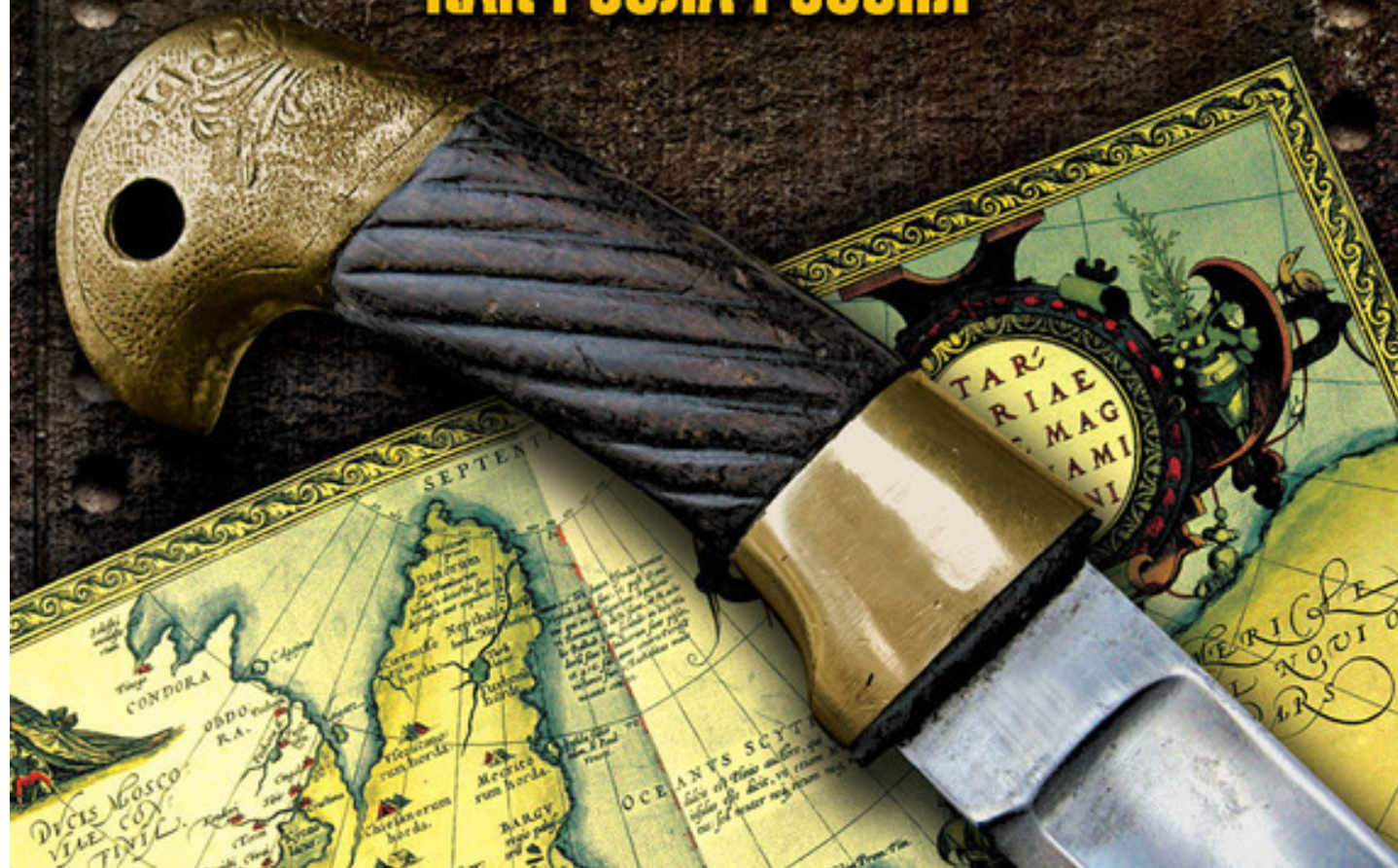

ЛЕВ ВЕРШИНИН

ИДЁМ НА ВОСТОК!
КАК РОСЛА РОССИЯ

Собирая империю

Лев Вершинин

Идем на восток! Как росла Россия

«Алисторус»

2014

Вершинин Л. Р.

Идем на восток! Как росла Россия / Л. Р. Вершинин —
«Алисторус», 2014 — (Собирая империю)

Поволжье, Урал, Сибирь Дальний восток. Эти регионы мы привыкли воспринимать как привычную и неотъемлемую часть России. Так было далеко не всегда. Россия стала Россией, вырвавшись за тесные пределы Московского княжества. Русские казаки, воины и землепроходцы, шли на Восток, чтобы создать великую империю, которая досталась нам в наследство от наших великих предков. От Казани до далеких Ямала и Чукотки выросла наша страна всего за несколько столетий. Мы все слышали о колониальных империях европейских держав, но мало кто задумывался, что мы живем в стране, которая не просто смогла создать страну, занимающую 1/6 часть суши, но и удержать ее где грамотной политикой, где военной силой, а где России помог счастливый случай. Впервые, в простой и популярной форме, в этой книге рассказывается о том, как создавалась Империя. Известный писатель, публицист и блогер Лев Вершинин известен как автор целого ряда острополитических и научно-популярных книг. С его труда, который станет настоящим подарком для всех, кто интересуется русской историей, мы начинаем серию «Собирая Империю». Вас ждет подробный и увлекательный рассказ лучших авторов о том, как Россия, в огне войн, в железной поступи казачьих отрядов и в шепоте дипломатических миссий из европейской далекой окраины превращалась в величайшую Империю

© Вершинин Л. Р., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Вместо предисловия. Суета вокруг сарая	6
Часть I	11
Глава I. Казань брал...	11
Старший по общаге	11
Внешний фактор	12
Костлявая рука рынка	13
Слезам не верящие	14
Раздача слонов	15
Глава II. Полумесяц с икоркой	17
Осетрина первой свежести	17
Прилетай, крыша!	17
Русские идут!	18
Мышеловка для москвофила	19
Порядок быть должен	20
Реконкиста	21
Ва-банк	22
Глава III. Мужские игры на свежем воздухе	23
Право собственности	23
Собственность по факту	24
Возвращение государя	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вершинин Лев

Идем на восток! Как росла Россия

© Вершинин Л. Р., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Вместо предисловия. Суэта вокруг сарая

Общеизвестно, что Куликовская битва была событием знаковым, но точки над «ё» не расставила. Спустя два года хан Тохтамыш взял и сжег Москву, после чего формальная зависимость Москвы от Орды восстановилась. Это не секрет. Вместе с тем, в последние два десятилетия, – и, как правило, из уст историков, склонных переоценивать прошлое, – звучат мнения, скажем так, достаточно политизировано окрашенные. Например, что, дескать, «Мамай был “бунтарем” и не принадлежал к роду Чингизидов, а Дмитрий Донской воевал с ним по заданию хана, будучи верным вассалом Орды, а Русь еще пару веков после того платила Орде уничижительную дань, и этот факт упорно замалчивается». Буду откровенен: это раздражает. Даже не потому, что о нашествии Тохтамыша и сожжении Москвы писалось в школьных учебниках для 7 класса, а 98 лет, разделяющие битву и день, когда Иван III погнал послов Ахмата пинками, все-таки не «пара веков». Дело в том, что ключевым тезисом таких построений являются не эти второстепенные пунктики, а общая картина геополитической ситуации того времени, рисуемая с очевидным (хотя и не знаю, насколько осознанным) стремлением «занизить» роль Москвы в процессе сплочения Руси и разрушения ордынского влияния. Дескать, и Москву сожгли, о чем стараются умалчивать, и никакого смысла в победе не было, поскольку дань и после победы платили, и не за Русь умирали ратники на Куликовом поле, а по «заданию хана». Такая трактовка, на мой взгляд, идеально укладывается в требования «новой мифологии» и служит недобрым целям.

А потому вспомним общеизвестное.

Великий темник (главнокомандующий) Мамай происходил из ногаев, внеэтнических кланов, державших Дикое Поле еще со времен великого темника Ногая, фактически отделившегося от Орды, и находившихся с Сараем в сложных договорных отношениях даже при Джанибеке. Как бы и подданные, но сложные, с характером и особыми правами. Волевой и талантливый джигит приглянулся последнему реально великому хану Большой Орды, получил в жены его внучку, став зятем («гурганом») и близким другом Бердибека, наследника Джанибека (в будущем отцеубийцы и последнего кок-ордынского хана по прямой линии Джучи). Опирался на родственников-ногайцев, ставших в годы «великой замятни» очень заметной силой, тем паче что слово «тюре» (Чингизид) для этих классических людей длинной воли было если и не совсем пустым звуком, то около того. Контролировал Крым с его торговлей, был невероятно богат и, как правило, удерживал столицу от имени подставных ханов, если же и оставлял ее очередному калифу на час, то ненадолго. На территории Кок-Орды, от Хаджи-Тархана до Булгар, влияние Мамаю было реальным, но не абсолютным, как на юге: местные князьки были вполне независимы в своих уделах, подчас даже в ущерб «центру». Так, знаменитый набег Араб-шаха на нижегородские земли в 1377-м был Мамаю совершенно не нужен, поскольку Москва и так исправно посылала дань с нижегородских земель, зато после этого набега Москва заявила о невозможности платить положенную сумму. А когда Мамай послал Бегича вразумлять слишком возомнивших о себе москвичей, те, как известно, дали карателям по ушам на Воже и вообще прекратили выплаты.

К слову. Были ли вообще русские княжества, условно объединявшиеся под Великим Столом Владимирским, вассалами Орды? Понятие «вассалитет» в «западном» смысле, со строгой лестницей, – как, скажем, в Иль-де-Франс, – ясное дело, применять нельзя. Но, безусловно, Русь несла набор определенных обязанностей. Хан считался верховным арбитром, верховный князь выбирался из числа претендентов и утверждался ханом, с русских княжеств взималась ежегодная дань, а русские князья обязаны были поставлять вспомогательные войска для ордынских походов. Однако ко временам Дмитрия, Мамаю и Тохтамыша ситуация была прописана уже не столь четко. С начала «великой замятни» в Орде и развала ее на Синюю и

Белую (за Волгой), поставка войск была явочным порядком прекращена, а размер дани постоянно снижался по ходу умнейшего лавирования между претендентами. А затем хан Амурат вообще дал «добро» на то, что Москва сама будет определять размер выплат, исходя из возможностей (конечно, некая средняя ставка предполагалась, но уже не оговаривалась). Тогда же и ярлык на княжение сделался сугубо юридическим документом, подтверждающим «особые права» Москвы, и только Москвы. То есть в описываемые времена великий князь московский вассалом Орды уже не был ни в коей мере, он был ее «данником», и едва ли будет ошибкой сравнить эту дань с теми «дарами уважения», которые императоры Китая из века в век отправляли северным кочевникам, исходя из того, что воевать выйдет дороже, чем откупиться.

Однако вернемся к Мамаю. Он, конечно, человек сильный, с трудностями справляться умеет, но в 1380-м положение выходит из-под контроля. В Хорезме возникает «фактор Тимура», Тимур выдвигает и спонсирует молодого, крайне амбициозного Тохтамыш, Тохтамыш по клочкам склеивает разбившуюся вдребезги Белую Орду и ставит перед собой задачу объединения всего улуса Джучи. То есть, конечно, не всего, поскольку в Хорезме сидит Хромец, но Дешт-и-Кипчак – обязательно. Он, собственно, уже ведет наступление на земли Кок-Орды, его отряды прорываются на левый берег Волги и даже занимают Сарай. Так что необходимо собирать все силы. Что невозможно без серебра. А Москва, самый надежный источник реального дохода, вожденного серебра после Вожи не дает. Вернее, готова давать, но на своих условиях: без выплаты за те годы, когда не платила (типа, компенсация за наезд Бегича) и в «урезанном» масштабе, «как при Амурате». Что никак не устраивает Мамай, которого все больше поджимает время: весенний набег Тохтамыша на Сарай был пристрелочным, но следующей весной хан Ак-Орды, несомненно, придет всерьез. Кое-что, естественно, можно взять в долг у сарайских купцов, кое-что у – генуэзцев в Крыму, но все это капли в море.

В общем, без решения «московского» вопроса Мамаю никак. И дело даже не только в серебре. У великого темника катастрофический недостаток надежной живой силы. Ногаи, конечно, дело хорошее, но только на них не выехать, генуэские наемники и адыги не слишком впечатляют, на дружины волжских князьков вообще полагаться не приходится, это друзья до первого тохтамыша. А вот ежели сломать Москву и заставить, чтобы все было «как при Узбеке и Джанибеке», то бишь возобновить «дань кровью», гарантированную массовой выдачей заложников, – это решение. Это минимум вдвое увеличит войско, причем без вложения средств и за счет очень качественного личного состава, которому просто некуда отступать, поскольку всем понятно, что Тохтамыш, если победит, на рубежах Руси не остановится. В Москве это прекрасно понимают, как понимают и то, что поход Мамай – это даже не Батыево нашествие, а нечто худшее. Бату требовал всего лишь повиновения, дани и вспомогательных войск, а Мамаю нужно ВСЕ, вплоть до перенесения центра улуса из ненадежного волжского Сарая западнее, о чем и в летописях сказано (*«Не запасайте на зиму корма, будет у вас довольно кормов»*). Так что Москва готовится к бою, и готовится, что называется, не по-детски. Ситуация, что интересно, ясна и дворцам, и хижинам, поскольку на княжеский зов «черный люд» стекается десятками тысяч, при том что ополчение было делом сугубо добровольным (никакой воинской обязанности и никаких методов принуждения в те времена и в помине не было). Более того, ситуация настолько жесткая, что на помощь Дмитрию выдвигаются и войска Литвы во главе с самим великим князем Ягайлой.

Опять к слову. Именно так. Вы не ослышались. Я в курсе, что традиционно принята версия о союзе Ягайлы с Мамаем, причем считается, что литовский князь, будучи совсем близко от Куликова поля, просто не решился вмешаться, боясь грозных московских ратей. Но давайте на секундочку отключимся от обаяния традиции и подумаем мозгами. Во-первых, что испугался – чужь; после битвы победители были в таком состоянии, что свежее литовское войско могло не просто брать их голыми руками, но и изгоном захватывать Москву. Чего сделано не было. Ибо незачем было. Москва Литве, конечно, не друг, но их вражда – частная, порубежная, городок

туда, городок сюда; вся стратегия закончилась после провала московских походов Ольгерда. Зато Мамай – враг реальный, серьезный. Именно его ногаи контролируют Дикое Поле, тревожат только-только присоединенную после Синих Вод (где Ольгерд их же и разбил) Малую Русь. А победа Мамаю, с высочайшей степенью означающая и победу его над Тохтамышем, означает, что великий темник, решив первоочередные проблемы, вновь вернется к вопросу о Киевщине, Переяславщине и так далее. Так что какой резон Ягайле помогать Мамаю? Никакого. Зато в войске у Дмитрия срочно появляются два Ольгердовича, Андрей и Дмитрий, родные братья Верховного Князя. Перебеги? Ни в коем случае, клан Гедимины был настолько сплочен, что даже Витовт чуть позже простит Ягайле гибель отца, а ведь он – не Ольгердович. К тому же после Куликова поля оба брата не остались на Москве, почивать на лаврах, а достаточно скоро вернулись в Литву, где один вскоре умер, а второй позже погиб на Ворскле, сражаясь уже не под московским стягом, а под родным, литовским. То есть оба младших Ольгердовича действовали, как минимум, с ведома старшего брата. А то и вообще по приказу. Можно уверенно предполагать, что окажется удача не стороне Мамаю, Ягайла приказал бы атаковать татар. Но, поскольку одолела Москва, вмешиваться было уже ни к чему. Вот и простейшая разгадка загадочного «стояния» Литвы в десятке верст от Поля.

О самой битве говорить нужды нет. Ее масштаб и значение известны. На следующий год Мамай попытался остановить Тохтамыша, не смог и бежал в Крым, где благополучно погиб. А Тохтамыш, сойдя, так сказать, с танка, выяснил, что праздники кончились. Да, он воссоединил Улус Джучи, правда, без Хорезма, но в Хорезме – Тимур, тягаться с которым страшно (правда, позже он на свою голову таки попытается, но это будет очень нескоро). Однако воссоединение вещь хорошая, а деньги все-таки нужны, как и презренному Мамаю. Чтобы, как минимум, показать ордынцам обеих Орд, что за ним стоило идти, ибо не босяк-временщик, а реальный хозяин. Ногаев надо срочно перекупать, чтобы не тосковали по Мамаю и не искали «своих» претендентов. Джигитам из-за Волги тоже надо срочно платить, не то ведь взбунтуются, а подавлять бунт нечем. А еще ведь есть и хорезмийские заимодавцы, и Тимур оказывал помощь в кредит, но не безвозвратно. Откуда брать деньги? Казну Орды растратил на подготовку к войне Мамай, а что не растратил, то увез, и генуэзцы не отдадут. С транзита никак не получается. Пошлин с «волжского пути» мало, а «шелковый» иссяк: Тимур перемкнул караваны с «верхней» дороги на «нижнюю», это было одним из условий поддержки. Внутренние ресурсы тоже отсутствуют. Люди Мамаю, перейдя к законному хану без боя, подложили новому владыке огромную свинью – в случае битвы и победы он бы просто ограбил Кок-Орду по праву завоевания, а теперь этой опции нет. Можно, конечно, начать репрессии и реквизиции просто так, но это будет сигналом к новой «великой замятне», не нужной ни Орде, ни Тимуру, ни Тохтамышу. Хан, конечно, конфисковал имущество князей, погибших на Куликовом поле, но это капля в море. Нужно еще.

То есть начинается все то же «Дай миллион!» в адрес Москвы. Уже с упором на то, что, дескать, хан теперь законный, так что и поступать надо по закону. На что Дмитрий, в принципе, даже не возражает. Но дьявол, как всегда, в нюансах. Москва соглашается на выплаты «как при Амурате». Это справедливо, на то и ярлык имеется. Тохтамыш же, который в долгах как в шелках, стоит на том, что после Бердибека законных ханов не было, а все его предшественники – либо узурпаторы и цареубийцы, либо вообще не Чингизиды, а значит, воры и самозванцы. И раз такое дело, то москвичи сами виноваты, что платили непонятно кому, а сейчас должны уплатить дань за 18 лет, без всяких ссылок на каких-то мутных «амуратов». Можно в рассрочку. Но недолгую. И с процентами. О чем Москва, в свою очередь, не желает и слышать, ибо – с какой стати? По факту это уже отношения не вассала с сеньором, а бизнесмена с рэкетиrom, когда проще от «зверька» откупиться, но только «по понятиям», а не как в последнее десятилетие прошлого века. При этом ссылки на то, что «хан законный», никакой роли не играют. По сути, вплоть до 1381 года Тохтамыш для Москвы был никем и звали его никак.

Москвичам не было дела до молодого оглана из заяцких степей, не имевшего ничего, кроме огромных амбиций, крохотной кучки нукеров и права на белую кошму. Даже после 1377 года, когда Тохтамыш с помощью Тимура занял Сыгнак, передумав конкурентов и стал легитимным правителем Белой Орды, ситуация никак не изменилась, поскольку все обязательства, которые были у Москвы, относились исключительно к Орде Синей. То есть, к Сарая. А там, пусть и под фактическим контролем Мамай, правили полноценные Чингизиды. Иными словами, реальные основания предъявлять Дмитрию претензии у Тохтамыша появились лишь весной 1381 года, после полного поражения Мамай, исчезновения «его» хана Араб-Шаха и воссоединения Орды. Будь предположения о «покорном исполнении приказа» хоть как-то похожи на истину, логично было сразу после победы над узурпатором ждать исполнения Москвой ханских требований и, как полагалось, визита князя в Сарай с личными изъявлениями покорности и за заслуженной наградой. Чего не было и в помине.

Тохтамыш, однако, зверел от безденежья. Он буквально клевал по зернышку, дойдя до торговли липовыми бумажками вроде ярлыка на Великое Княжение, выданного нижегородским князьям, хотя заплатить эти бедолаги могли сущие гроши (основную часть налогов в их вотчинах собирала Москва). К осени хан, уже окончательно, судя по всему, поехав мозгами, совершил то, что ни до него, даже во времена «великой замятни», ни после не делал никто: приказал перехватывать и грабить русские караваны. Причем не только тайно, в степи, где они были защищены степным торговым правом и Ясой, но и официально, на сарайской ярмарке, где они были защищены шариатом. Товары и деньги изымались, купцов бросали в зиндан на предмет выкупа. По сути, хан рубил последний сук, на котором сидел, – «волжский» путь транзитной торговли. Это было чистое безумие. Но Тохтамыш, как известно, при всей своей бешеной воле, энергии и амбициях был не стратегом, а еле-еле тактиком, причем очень хреновым. Главным для него было не то, что будет завтра, а то, что большой единовременный доход, полученный с этой уголовщины, позволил заткнуть самые зияющие, первоочередные дыры. Но теперь никаких вариантов, кроме похода на Москву, у хана вообще не оставалось.

Эксцесс 1382 года уникально своеобразен. В принципе, не случись по ходу дела падения Кремля, это мероприятие осталось бы в памяти потомков всего лишь крупным набегом по принципу «хватай и беги». Походом, более того, СОБЫТИЕМ, оно стало исключительно в связи с падением и сожжением Кремля. Этот инцидент был столь громок и неприятен, что московской пропаганде пришлось задним числом валить вину на кого угодно. Досталось и вечно во всем виноватому Олегу Рязанскому, якобы «показавшему Тохтамышу броды на Оке» (словно татары, уже полтора века грабившие рубежи Рязанщины, не знали этих бродов). Огребли свое и нижегородские князья, опять же якобы обманувшие москвичей (хотя говорили они чистую правду: они и в самом деле пришли править, имели ярлык и никак не подозревали, что случится на самом деле). Но на самом деле Москва, конечно, понимала неизбежность появления Тохтамыша и готовилась. Только готовилась она по-крупному, исходя из того, что хан, как всегда бывало, прежде всего ударит в направлении Владимира, чтобы провести инаугурацию своих новых фаворитов. Именно там, к северу от Москвы, были расположены войска, предназначенные встретить неприятеля, и именно туда направился Дмитрий, когда – неожиданно – Тохтамыш повернул на Москву. Была ли допущена ошибка? Вряд ли. Москвичи закладывались на политический подтекст ордынского похода, и никто не мог даже допустить, что истинной целью хана будет вульгарная, не слишком скрываемая уголовщина – грабеж с отчетливой линией на уход от крупных сражений с русскими ратями. Собственно, и падение московской крепости было казусом, который невозможно было просчитать, итогом не слабости стен или гарнизона, а паники в городе, тупости коменданта и (главное) предательства митрополита Киприана, на которого Дмитрий фактически оставил город, никак не предполагая, что у митрополита попросту сдадут нервы. Позже владыка, струсивший и бросивший паству, так и не решился вернуться в Москву, исполняя обязанности издалека.

Все, что творилось после падения Кремля, – скорее трагифарс, нежели трагедия. Ограбив княжескую казну и монастырские ризницы, Тохтамыш срочно развернулся и отбыл в родные степи, не озаботившись даже собрать растекшееся по весям на предмет грабежа воинство, попавшее под клинки небольшой, но мощной дружины Владимира Серпуховского, а затем практически в панике, мелкими отрядами бежавшее при известии о приближении основной рати. На уровне обоснованных предположений позволю себе допустить, что такой вариант как раз и был по душе хану: основная часть его войска состояла из ак-ордынских джигитов, считавших себя пупом земли по факту устранения Мамаю, и плачевное бегство помогало поставить их на место. Не говоря уж о потерях, позволяющих сократить выплаты за поход 1381 года.

По большому счету, выигрыш Тохтамыша был весьма скромным. Очень богато подогревшись в Москве, он сумел решить первоочередные проблемы, раздать кому надо награды, отослать дань Тимуру и расплатиться с хорезмийскими кредиторами. Плюс получил на несколько лет вперед гарантии стабильного получения «выходов» – москвичи, оказавшись перед необходимостью восстанавливать столицу и нуждаясь в передышке, уже не могли держать тот фасон, что раньше, и согласились возобновить выплаты, отправив наследного княжича Василия в Сарай в качестве заложника. Но – все на тех же условиях, что и ранее, – «как при Амурате», безо всяких платежей «за прошлых царей», и Тохтамыш это проглотил. Более того, он отозвал ярлык, данный нижегородским князьям, подтвердив неотъемлемую принадлежность великого стола Москве. С этого момента выплаты все более принимают эпизодический характер; чем больше залезает в свои неудачные эксперименты Тохтамыш, тем меньше поступает денег из Москвы, а после бегства Василия ручеек иссякает совсем, и даже новый крупный поход на Москву нового сильного человека Орды, Едиге, – уже после краха Тохтамыша, – картины не меняет. Потоптавшись под стенами Кремля, татары уходят восвояси без особого наваара, что вскоре станет причиной падения Едиге и новой замятни в Орде. Последний же договор о «дани» будет заключен Москвой много позже, после поражения Василия Темного в битве с казанским Улу-Мухаммедом, и выплаты будут уже не признаком зависимости, а, по большому счету, колоссальным, но единовременным выкупом за плененного князя. Такая себе контрибуция...

Собственно говоря, примерно в это время Москва впервые и всерьез заявляет о себе как о претенденте на роль нового объединяющего центра – верховного арбитра и гаранта порядка на всем пространстве, ранее контролируемом Ордой.

Часть I

Глава I. Казань брал...

Для начала чуть-чуть теории. Доморощенные «эуропейцы», обожающие топырить губы, сравнивая Московскую Русь с Ордой, не понимают одного совершенно элементарного нюанса. Того простенького факта, что, если уж строго терминологически, то Орда – это всего лишь Ставка. Центр. Не более, но и не менее. А по сути – смещенный на Восток аналог т. н. **«Священной Римской Империи германской нации»**. Которая, кстати, на поверку не была ни **«священной»** (мало ли кто как себя называет, да и протестантов там имелось в избытке), ни **«Римской»** (ибо Рим ни секунды не был ее столицей), ни **«германской»** (поскольку включала, кроме немецких, также итальянские и славянские земли). И точь-в-точь как Орда, являлась рыхлым конгломератом предельно непохожих друг на друга «улусов», от вольных городов-республик и мелких сеньорий до централизованных королевств, имеющих свои законы и относящихся как друг к другу, так и к центру по-всякому. Более того, сам Центр зачастую бывал сугубо номинален. И тем не менее его уважали, к нему прислушивались, к нему старались быть поближе. По той простой причине, что наличие Центра предполагало и наличие некоего единого порядка, законности, арбитража. То есть, пусть в какой-то мере, но гарантировало поддержание стабильности. Именно поэтому даже в периоды предельного ослабления Орды отдельные ее улусы, даже в моменты взлета, не стремились к полному освобождению, соблюдая положенный пиетет, выплачивая пусть символические, но взносы и по умолчанию подчиняясь арбитражу. Если же слабость традиционного Центра становилась необратимой, естественным образом возникала тенденция к его переносу в тот или иной улус, способный выполнять функции центра эффективнее. Поняли, нет? Впрочем, неважно.

Старший по общаге

Улу-Мухаммед, потомок Джучи по линии Тука-Тимура, был, очевидно, последним ханом Большой (Синей) Орды, всерьез способным восстановить хотя бы относительный закон и порядок на территории от Днестра до Волги. Талантливый полководец, дипломат и политик, он добился очень многого, но в итоге проиграл мелочи, не годившейся ему в подметки, – именно потому, что эта мелочь, разорвав и поделив Орду, не хотела очередного усиления ханской власти. Однако, имея голову на плечах, военный талант и далеко идущие планы, не смирился, ушел на Каму, в земли бывшего Булгарского царства, где был с восторгом встречен населением. Что и понятно: богатейшие земли вокруг Казани, перегнавшей к тому времени захудавшие Булгар и Биляры, не имели реальной защиты, и грабили их все подряд, от русских ушкуйников до татарских беспредельщиков. Здесь хан быстро укрепился, создав базу для реализации реставрационных планов. Естественно, восстановление контроля над русскими землями при этом рассматривалось как первый этап большого пути, тем паче что на Руси не все было ясно в смысле гражданского мира, наследники Донского увлеченно ослепляли один другого, и Улу-Мухаммед не сомневался в успехе. Среднее Поволжье он рассматривал как базу для реставрации, а Московское княжество – как первый этап этого процесса. Походы 1439-го, 1444-го, 1445 годов были очень удачны, а попытки Москвы огрызаться – наоборот, вплоть до разгрома великокняжеских войск, пленения Василия Темного и расширение власти Улу-Мухаммеда над Русью. Вплоть до восстановления «баскачества»! На Русь, чего не было уже лет сто, вводился гарнизон «смотрящих» во главе с Касимом, сыном хана. Походы продолжались и после смерти Улу-Мухаммеда, при его сыне Махмуде. Но агрессивный потенциал Казанского ханства

быстро выдыхался. Внутренне укрепившись, наладив экономику и приведя в порядок управление, наследники Улу-Мухаммеда быстро теряли темп, и это было очевидно всем. В частности, «баскак» Касим, любимый сын покойного хана, после отказа Москвы от выплаты дани предпочел не оспаривать престол, на что имел полное право, а остаться на Руси, присягнув великому князю и получив в удел вполне автономное «ханство», названное в его честь Касимовским. Казанские царевичи вошли в высший московский бомонд и верно служили новому сюзеру, сражаясь не только с Дмитрием Шемякой, но и с собственными соплеменниками.

В 1467 году вектор сменился окончательно. Казань уже не стремится подчинить Москву, понемногу переходя в глухую оборону, Москва же постепенно начинает набирать очки. Все долгое царствование хана Ибрагима и его наследников было попыткой если и не переломить ситуацию, то хотя бы сохранить баланс. Войны шли практически непрерывно, с переменным успехом, однако с постоянным нарастанием перевеса Москвы. В самой же Казани возникла и все более укреплялась «московская» партия, вопреки мнению партии «степной», по-прежнему разделяющей доктрину Улу-Мухаммеда, полагающая, что борьба за роль нового центра проиграна и ханству следует принять новые реалии. Межпартийная борьба была шекспировски страстна и кровава, кто-то погибал, кто-то эмигрировал, кто-то возвращался – с ногайской ордой или русской подмогой, ханы сменяли друг дружку, но в конечном итоге, в 1487-м, московское войско, без штурма войдя в Казань, утвердило на престоле уже не раз свергнутого и возвращавшегося Мухаммед-Амина. Между прочим, запомнившегося современникам фразой *«Если на то воля Аллаха, чтобы Сарай был в Москве, а не в Казани, следует ли мусульманам оспаривать это?»*. Именно он впервые официально присягнул Ивану III, положив начало эпохе вассалитета. Он же был и последним представителем династии Улу-Мухаммеда по прямой линии, после чего трон унаследовали Шах-Али, потомок того самого Касима, о котором уже шла речь. Дабы не растекаться мыслю по древу, дотошно характеризуя политические воззрения сего персонажа, сообщу лишь, что он, кроме Касимовского ханства, владел еще и громадными землями на собственно Руси, по статусу входил в Боярскую Думу и в царствование Василия III был одним из ближайших конфидентов великого князя, а позже и Елены Глинской. Еще позже, на первом этапе Ливонской войны, он же стал главнокомандующим русских войск и одержал наиболее известные победы в Прибалтике, а под конец жизни, оставаясь владельцем ханом Касимова, ведал всей пограничной службой Московии.

Внешний фактор

В сущности, воцарение Шах-Али означало полное и окончательное торжество реалистов-«москвитин». Альтернативы «восточники» не имели ни на политическом уровне (что силе-нок у Казани не хватает, сознавали все), ни на идеологическом (Казань как новый центр Орды не признавал никто). Однако плавный ход событий нарушился с появлением в мировой политике нового игрока – Османской Порты, после уничтожения Византии заявившей о себе как о новом претенденте на объединение Римской Империи, уже под знаменем ислама (вспомним, что после покорения Египта султан считался одновременно и «халифом всех правоверных»). Осуществленное в конце 15 века подчинение Крыма, а затем и степняков-ногайцев, означало и заявку на объединение под эгидой Стамбула наследия Золотой Орды. Расклад, согласимся, принципиально новый. Обретя столь серьезный тыл, оживает и «восточная партия». В ответ на ее тайные призывы о помощи крымский хан Мехмед-Герай, заручившись одобрением Стамбула, посылает в Казань своего младшего брата и наследника Сахиб-Гирея с небольшим, но сильным отрядом, и тот, практически без боя изгнав Шах-Али, занимает ханский престол, провозгласив в мечетях двойную хутбу на верность – хану Крыма и падишаху Порты. Не отреагировать Москва не может. После серьезной подготовки в 1524-м на Казань выступает огромная армия под руководством князя Бельского. Войны, впрочем, не случилось. С одной стороны,

защищаться казанцам было нечем, да и единства в элите ханства по этому вопросу не наблюдалось, с другой – крымский хан угрожал Москве «великими бедами за обиду», а Василий III, перманентно враждующий с Литвой, не мог рисковать открытием второго фронта. Так что стороны пришли к компромиссу: Сахиб-Гирей ушел в Крым (где, кстати, несколько позже став ханом, окончательно привязал ханство к Порте), хутбу султану тут же отменили, а правительство сформировали «московцы» во главе с князем Булатом Ширином и царевной Гаухар-Шад, но в Казани остался сильный крымский гарнизон, официально считающийся «почетной охраной» 13-летнего Сафа-Герая, племянник Сахиба.

Прочным такое положение быть не могло, тем более что джигиты-кырымлы никому не подчинялись и активно грабили окрестные племена, разрушая установленный в эпоху Улу-Мухаммеда баланс отношений власти и подданных, и в итоге, когда после провала Венских походов Турция временно приостановила внешнюю активность, «московцы» изгнали из города Сафа-Герая и его «почетную охрану», пригласив на престол касимовского хана Джан-Али, беспрекословно верного Москве, полностью занятого проблемами своего удела и не особо интересующегося внутренними делами Казани. На какое-то время наступил мир на основе *status quo* 1521-го, «догерайского», года. Однако прочным такое положение быть не могло. Уже в 1535-м, вернувшись с большим крымским войском, повзрослевший Сафа-Герай, изгнав не слишком этим огорченного Джан-Али, вновь утвердился на престоле и, не особо увлекаясь репрессиями, вытеснил «московцев» из реальной политики. Теперь это был отнюдь не «компромиссный» мальчик десятилетней давности, а взрослый мужчина, благодаря женитьбе на дочери ногайского бия располагающий собственной военной силой и имеющий четкий политический план. Казань становится форпостом турецко-крымской экспансии, опорным пунктом реставрации Большой Орды как вассала Порты, в ее мечетях вновь звучат хутбы «верховному хану и падишаху», но главное – практически сразу после реставрации Сафа-Герай открывает «сезон охоты», всего за 12 лет осуществив около 40 разного масштаба походов на Русь.

Костлявая рука рынка

Это уже не просто «драки на меже»; основная цель набегов – пленники, как можно больше пленников, крайне необходимых Порте. Как на южных рубежах Руси и Литвы крымцы, так теперь и казанцы (вернее, ногаи) тысячами угоняют девушек для гаремов, мужчин для галер, мальчиков для пополнения янычарского корпуса. «От Крыма и от Казани до полуземли пусто было», – позже напишет Иван Грозный. Это серьезная политика. «Людские ресурсы» с Севера ежегодно закладываются в планы стамбульских диванов, при дворе возникает мощное работоторговое лобби. Короче говоря, Казань не только быстро уходит под контроль Крыма, но и интегрируется в глобальную экономику *Raх Osmanica*, ставя Стамбул в ситуацию, когда активная защита ее, как и защита Крыма, станет одним из краеугольных камней внешнеполитической концепции Порты. Что характерно, коренных казанцев такие новации не очень радуют. Ни элиту, ни «улицу», политикой ранее мало интересовавшуюся. Причина проста: в отличие от полудиких ногайцев, Казань – серьезное, развитое государство. Вопреки существующему мнению, рабство там не в чести; то есть невольники были и ранее, но увеличение их числа на полтора порядка лишает работы «адамон базар», свободных поденщиков, носильщиков, каменщиков и прочих «черный люд». Кроме того, людоловов мало интересовало подданство угоняемых, в связи с чем по всему ханству прокатились мятежи ранее абсолютно лояльных податных народов – черемисов, вотяков, мещеры. Неудивительно, что на верхах возникают заговоры, оживают притихшие лидеры «московцев». Сафа-Герай отвечает свирепыми репрессиями, вопреки всем негласным конвенциям казня даже высшую знать, вплоть до «премьер-министра» Булата Ширина. Итог: всеобщее восстание, изгнание Сафа-Герая и очередное возвращение Шах-Али, тотчас предложившего Москве ни много ни мало «пакт об унии» – дабы Казань вошла в состав

Москвы на правах Касимова, а «великий князь Московский» впредь именовался и «царем Казанским». Москва не возражала, но переговоры были сорваны возвращением в том же 1546-м Сафа-Гирея, пришедшего с огромной ногайской ордой и установившего уже ничем не прикрытую военную диктатуру. Союз Казани с Крымом и Ногайской Ордой из фактического становится официальным, и более того, Казань и ногайский Хаджитархан (еще не Астрахань) начинают согласованно диктовать условия волжской торговли, грозя обрушить один из столпов московской экономики.

Слезам не верящие

Терпение Кремля, как известно, почти беспредельно, но не секрет и то, что Москва бьет с носка. «Волжская проблема» выносятся на обсуждение Избранной Рады, и уже в декабре 1547 года русские рати идут на Казань. Это пока еще не «удар милосердия», а всего лишь демонстрация. Сильно (но – показательно – не сильнее, чем джигиты Сафа) опустошив западные земли ханства, московские рати добираются до Казани, отдыхают под воротами и весной 1548-го возвращаются восвояси с добычей. Урок, однако, впрок не пошел. На столь мягкую, сугубо увещательную меру воздействия хан отвечает крупнейшим походом под лозунгом «защиты веры», обратившись за помощью к Крыму и получив оттуда гарантии. Однако человек предполагает, а располагает лишь Бог. В марте 1549 года, за пару месяцев до прихода крымских отрядов, молодой (всего 43 года) цветущий Сафа-Герай умирает при крайне подозрительных обстоятельствах. Вроде бы в итоге «несчастливого случая», но слишком уж вовремя, очень к месту приключившегося. Как бы то ни было, Москва приостанавливает подготовку к новому походу и соглашается принять посольство нового правительства, куда входят уже и умеренные лидеры «москвитин». Переговоры, однако, завершаются ничем. Кремль требует возвращения в Казань надежного и проверенного Шах-Али, но готов согласиться и на кандидатуру малолетнего Утямыш-Гирея, наследника Сафа, однако при обязательном условии расторжения казанско-ногайско-крымского союза и назначения «московского» регента, что неприемлемо для представителей Крыма, уже утвердивших на пост регента мать хана-младенца, ногайскую княжну Сююмбике. В связи с чем осенью Москва совершает второй масштабный поход на Казань. О присоединении речи все еще нет, однако превосходство сил русские продемонстрировали в полной мере, а главное, уходя, в рекордно короткие сроки воздвигли вблизи Казани мощную крепость Свияжск, фактически лишившую казанское правительство возможности контролировать территорию ханства. Всем было ясно, что развязка не за горами.

Ситуация в описываемое время складывалась исключительно удачно для Москвы. Ногаи угрозой для нее не были, Крым ориентировался на Турцию, а турки хотя и блистали в зените, но любые силы имеют предел; именно в это время Порты вела сразу две тяжкие войны на приоритетных направлениях: в Европе назревало новое столкновение с недавно побежденной, но желающей реванша Австрией, а персы, война с которым продолжалась уже почти 20 лет, собравшись с силами, перешли в контрнаступление. Немало сил отнимали и второстепенные фронты – требовали подкреплений экспедиционные корпуса в Марокко, Сомали и в Ормузском проливе. Короче говоря, и у Стамбула, и тем более у Бахчисарая руки были связаны, но и идти на уступки Кремлю они запрещали, напротив, требовали увеличения поставок «живого товара», хотя бы и за счет податных «языческих» племен ханства. Что, в свою очередь, провоцировало расширение мятежей тех самых племен, ополчения которых еще лет десять назад верой и правдой служили ханскому престолу. Впрочем, совсем без помощи Казань не осталась. Не имея войск, стамбульские визири приняли остроумное решение превратить войну феодальную в войну народную; в течение 1550 года Казань наводнили многие сотни дервишей из Стамбула, Крыма и даже далекой Бухары, активно и умело проповедовавших на улицах и базарах идеи джихада против проклятых гяуров, которые во всем виновны. Для Казани, города

многоязычного и веротерпимого, это было в диковинку, ораторов охотно слушали, а поскольку они имели в запасе простые ответы на самые сложные вопросы, истерия нагнеталась быстро и количество ранее аполитичных люмпенов, готовых, ежели что, отдать жизнь за дело Пророка, росло. Что, правда, имело и негативные стороны. Вспышка мусульманского фанатизма окончательно отпугнула язычников; в том же 1550-м луговые черемисы (мари), один из главных «боевых» народов ханства, слагают с себя присягу хану и безо всякого принуждения присягают Москве. Seriously обеспокоена была и коренная казанская элита, совершенно не настроенная делиться властью с непонятно откуда нагрянувшими муллами, улемами и талибами.

Следствием этого беспокойства стал верхушечный переворот конца 1551 года. Регентша Сююмбике вместе с маленьким ханом была смещена и выдана Москве, правительство разбавлено «московцами», а ханом признан – вы правильно поняли – Шах-Али. Однако Москва отреагировала не так, как привык казанский истеблишмент. На переговорах в Свияжске ранней весной 1552 года представителям ханства, на сей раз практически поголовно «московцам», готовым на самые широкие уступки вплоть до «унии» образца 1546 года, было сообщено, что «уния» дело хорошее, но игры закончились. Отныне, во избежание «измен», царь, принимая на себя титул «царя Казанского», намеревался взять Казань под прямое управление.

Требование назревало долго, было вполне естественным и не встретило особых возражений среди основной части казанской элиты. Однако обстановка в городе уже не позволяла реализовать его мирным путем. До звона взвинченная проповедниками «улица» и ряд наиболее религиозных «промосковцев» во главе с князем Чапкыном Отучевым восстала против подчинения «гяурам» и нарушения верности «халифу правоверных». В обстановке полного хаоса хан Шах-Али отрекся от престола и в очередной, последний раз покинул Казань, а на вакантное место правительство, возглавленное Отучевым, пригласило астраханского царевича Ядгар-Мухаммеда. Выбор был знаковым: с одной стороны, ногаец, сын верного вассала Порты, с другой – отнюдь не враг Москве, с ранней юности служивший в войсках великого князя, имеющий на Руси поместья и покинувший службу только по приказу отца. Это, однако, была уже агония. Летом 1552 года московские войска, едва ли не наполовину состоящие из служилых татар, в том числе и казанских, и черемисско-мещерских ополчений, рассеяли полевую армию казанцев и начали обстоятельную, по всем правилам военного искусства, осаду, а в октябре, после тяжелейших городских боев Казань была взята штурмом. Строгий приказ царя щадить всех сдающихся «граждан» мало кому помог: понимая, что пощады не будет, приезжие проповедники призывали шахидов сражаться до конца, суля мгновенное попадание в рай. И «улица» сражалась...

Раздача слонов

Тотчас после взятия города Москва объявила о введении специальных законов, регулирующих статус новоприобретенных земель в составе России. Статус «Казанского царства» формально сохранялся, титул «царь Казанский» становился неотъемлемой частью титулатуры царя Московского и Всея Руси, вновь учрежденной архиерейской кафедре строжайше запрещалось насильственно обращать в православие как мусульман, так и язычников. Впрочем, очень скоро, вслед за влиятельнейшим черемисским родом Тугаевых горные язычники и правоверные, включая двух последних ханов, начали принимать крещение добровольно. Одновременно были посланы «по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю не бояся ничего; а кто лихо чинил, тому Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним казаньским царем», и недостатка в желающих не оказалось. В итоге вводить на проблемной территории ханства военный режим не потребовалось, напротив, когда лидер «непримиримых» мурза Япанча во главе луговых черемисов и подоспевших ногайцев попытался развернуть в крае партизанскую войну, для подавления ее

не потребовалось даже подкреплений из Москвы. Вопрос был решен ополчением казанских татар и черемисов.

Уроки противостояния Москвы и Казани были правильно поняты и оценены властями мелких улусов – наследников Большой Орды. Вскоре после триумфа 1552 года сделал окончательный выбор тюменский хан Едигер, официально попросивший Ивана IV, чтобы он «всю землю Сибирскую взял под свое имя и от сторон ото всех заступил (защитил) и дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать». Чуть позже, после серии переворотов в Ногайской Орде и вопреки яростному противодействию Крыма, была без боя сдана и включена в состав России Астрахань. Когда же, несколько позже, всерьез обеспокоенный происходящим победоносный Стамбул приступил к реализации масштабного плана реставрации мусульманских государств на Волге, пар ушел в свисток. Огромная крымская Орда, поддержанная многотысячным корпусом янычар с великолепной артиллерией, завязла под Астраханью, так и не дождавшись помощи ни от ногайцев, ни от астраханских татар, а затем, разбитая многократно меньшими русскими войсками, отступила, понеся более чем серьезные потери. А весной 1570 года русское посольство подписало в Стамбуле договор с Портой, зафиксировавший признание турками новых реалий.

А теперь, сказав все, что хотел, не удержусь от вопроса: укладывается ли в описанном сюжете роль Москвы в формулу «оккупант и захватчик» или дело все же обстоит несколько иначе?

Глава II. Полумесяц с икоркой

Осетрина первой свежести

Державы, как и люди, болеют. Захворав, могут умереть, а если повезет на врача (лидер) – подчас выживают. Однако если этот лидер, обладая всеми возможными достоинствами, при этом напрочь лишен мозгов, кризис неизбежно перерастает в агонию. По итогам правления Тохтамыша, мечтавшего не менее чем о «как при Узбеке», Золотая Орда, раздавленная Тимуром, перестала существовать. Земли за Волгой, населенные кочевыми племенами – основными поставщиками ханской конницы, – вообще ушли на вольные хлеба, при «великом эмире» Едиге и его сыне Нураддине оформившись в Ногайскую Орду, – довольно сильное (до 140 тысяч всадников), но совершенно аморфное квазигосударство с кукольными привозными ханами и полным всевластием Совета мурз. Потомкам Чингиза подчинялись только степи от Волги до Дона, но подчинялись условно: местные мурзы устраняли ханов при малейшей попытке хоть как-то заявить претензии на реальную власть. Слабенького хана Кичи-Махмуда никто не слушал, его наследника, Махмуда, тоже; Орда расползалась на глазах, превращаясь в подобие Ногайской, однако в 1459-м младший брат хана, Ахмат, волевой и амбициозный мужик, притормозил процесс, перехватив вожжи на себя. Сделав несколько особо наглым князькам секир-башка, братишку он, однако, добивать не стал, а отпустил с миром, позволив осесть в Аш-Тархане (Астрахани), городе некогда крайне богатом, но сильно потрепанном после нашествия Железного Хромца. Позже, в 1476-м, Ахмат (судя по всему, был он хоть и крут, но по тем временам и местам достаточно милостив) разрешил племяннику Касиму унаследовать престол. А спустя еще пять лет, когда – после фиаско Ахмата на Угре и гибели от сабель ногайцев – Большая Орда умерла, Астраханское ханство, безо всяких к тому усилий, обрело независимость. Политически, правда, довольно жалкую (самый маленький осколок бывшего величия, сплошные солончаки, не более 20 тысяч населения и максимальный мобилизационный потенциал около 3000 сабель), но с точки зрения экономики вполне реальную. Даже после шалостей Тимура выгоднейшее географическое положение делало город в устье Волги идеальным перевалочным пунктом торговли Запада с Востоком и Севера с Югом, к тому же белая рыба и черная икра в те времена тоже были белой рыбой и черной икрой, так что казна никогда не пустовала. Что, разумеется, имело и побочный эффект: миролюбивой, старающейся никуда не лезть и дружить со всеми Астраханью весьма интересовались соседи, ногайцы и Крым, без особого такта проталкивавшие на тамошний престол своих ставленников. Так что местным авторитетам приходилось вертеться.

Прилетай, крыша!

Расклад, правда, был не слишком сложен. Ногайцев Астрахань интересовала, главным образом, как источник живых денег, место для беспощадной торговли и питомник номинальных ханов из «правильного» рода. С Крымом же дело обстояло куда сложнее. Он и сам по себе в это время был на взлете, но, будучи к тому же и симбионтом (ни в коем случае не просто вассалом, это расхожее мнение ошибочно!) Порты, стремительно шел к зениту могущества. Позиционируя себя как полномочных представителей Османов, Гераи откровенно претендовали на роль восстановителя Золотой Орды и активно работали в этом направлении, в первой четверти XV века практически подмяв под себя богатую и сильную Казань, на фоне которой Астрахань вообще не смотрелась. Тихий, не претендовавший ни на что, кроме спокойной жизни, торговый город в дельте Волги они рассматривали как плацдарм для движения вверх, к

Каме и границам Московии. Что совершенно не нравилось ни купцам, ни мурзам, – поскольку для Гераев, по факту не Чингизидов, права и привилегии «законной» степной знати не значили ровным счетом ничего. В такой ситуации симпатии астраханских элит были, конечно, на стороне ногайского Сарайчика, нежели Бахчисарая. Однако возлагать на помощь степняков слишком большие надежды не приходилось. Единой власти за Волгой не было, и крымская агентура, обильно оснащенная золотом и прочими приятными вещами, играла на противоречиях между князьками, вовсю дергая за ниточки уже купленных, побывавших в Крыму и навеки ушибленных тамошней роскошью марионеток, умело прикупая еще не купленных и устранив упрямых. В конце концов, основным акционерам «астраханского проекта» такая ситуация надоела. Сугубые реалисты, они вовсе не собирались бодаться с дубом и готовы были платить отступные, но заложниками чужих, совершенно никакой выгоды не сулящих, напротив, вредных для свободной торговли игр становиться не желали. В 1533-м, аккурат когда Казань полностью оказывается в сфере влияния Крыма, а в Ногайской Орде начинаются серьезные разборки на тему «С кем быть?», в астраханском Кремле впервые заявляет о себе «урус-кешк», так сказать, русская придворная партия, полагающая, что в пасьянс следует включить московскую карту. Логика проста: с одной стороны, всякому, кто не слеп, было видно, что Москва становится все сильнее, даже сильнее Казани, и конфликтует с Крымом, при этом поддерживая приличные отношения с ногайцами, с другой – она все же достаточно далеко, чтобы не предъявлять чрезмерных требований, удовлетворившись льготами в волжской торговле и промыслах.

Русские идут!

Подробностей прихода к власти Абдул-Рахман-хана, выдвиженца «урус-кешк», мы не знаем, хотя, скорее всего, обошлось без крови (перевороты в Астрахани случались часто, но убийства были не в чести), но первой же его политической акцией стала отправка в Москву полномочного посольства и заключение договора о союзе, экономическом сотрудничестве и взаимной координации действий в сфере обороны. Что характерно, сия «новая линия» встретила полное понимание и в заволжской степи, в ставке самого сильного из ногайских мурз – Исмаила, лидера с харизмой и претензиями, мечтающего покончить с институтом «кукольных ханов» и стать первым парнем на Орде. Крымская агентура ему весьма докучала, гонял он ее из своих кочевий нещадно, так что союз с Москвой ему виделся вполне нормальным ходом для того, чтобы прищучить мелких и слишком борзых коллег, берущих крымское золотишко. Так что вскоре в Белокаменной появилось и ногайское посольство. Правда, у Исмаила были свои интересы – дивидендами от астраханской торговли он поступаться не желал, в связи с чем попросил у москвичей отпустить на родину троюродного племянника Дербиш Али, астраханского «царевича», по маме ногайца, безбедно сидевшего на Москве в роли то ли «вечного гостя», то ли заложника. Это, конечно, был удар под дых лично Абдул-Рахман-хану, но до таких мелочей думным боярам снисходить было, что называется, запаadlo: главное, что и те, и эти политически правильно ориентированы. Так что Дербиш Али отпустили восвояси, после чего в Астрахани началась кадровая чехарда. Впрочем, по доброй традиции вполне вегетарианская. Ханов менялись, уходили, возвращались, состав правительств время от времени тасовался, но казней – по договоренности – никаких не было, «урус-кешк» вполне находил общий язык с Исмаилом, а курс на сотрудничество с Россией оставался неизменным.

Аж до 1551 года, когда на престол в Бахчисарае взошел Девлет Герай I, самый, пожалуй, великий политик и полководец Крымского ханства за всю его долгую историю, один из немногих тамошних ханов, сумевших стать в глазах Османов не подчиненным, а фактически равноправным партнером. У этого человека было свое видение реальности, и главным супостатом в этом видении являлась Москва, без каких-либо оснований позволяющая себе претендовать на законное наследство Гераев. Еще не отойдя от торжеств по поводу инаугурации, Девлет Герай

заялся большой политикой, предприняв крупный набег на московские земли – с целью, если повезет, оттянуть русские силы от уже обреченной Казани. Повезло не вполне: операция была скверно продумана, так что дело кончилось серьезным поражением татар под Тулой, однако в Степи неудача была компенсирована с лихвой. В результате молниеносного наезда крымцев ханом Астрахани вместо едва успевшего унести ноги (крымцы были парни суровые) Дербиш Али стал Ямгурчи, сын крымской княжны. Чуть позже коалиция мелких мурз, опять-таки с крымской помощью, сместила Исмаила, объявив лидером его брата Юнуса, тотчас принявшего присягу на верность Бахчисараю и Стамбулу. Судя по всему, организаторы обоих переворотов рассчитывали, что Москва, занятая кампанией против Казани, не вмешается, Ямгурчи даже направил в Белокаменную посольство с разъяснением своих прав на престол и заверениями в полной лояльности. Какое-то время он этим выиграл, однако после падения Казани в Астрахань (доверяй, но проверяй) была направлена инспекция во главе с Севастьяном Аврамовым. Увиденное, надо думать, оказалось столь не отвечающим заверениям хана, что гонец с отчетом был задержан нукерами в степи, а посол арестован и сослан на один из островов Каспия. Вероятно, у хана просто не было иного выхода, но это означало войну.

Мышеловка для москвофила

Всем, кроме, возможно, самих астраханцев и «великого мурзы» Исмаила, было понятно: дело не в Астрахани как таковой и не в желании отомстить «за свою обиду и срамоту, яже царь Ямгурчиев обеты своя изменил и посла ограбил». Более того, не в «новой земельке», приобрести которую считала главной задачей московская Избранная Рада, и даже не в ценах на черную икру. В степном захолустье разыгрывалась глобальная партия. Взяв на себя за тридцать с лишним лет до того, после оккупации мамлюкского Египта, функции «халифа правоверных», султаны Порты одновременно и приняли обязательство, во-первых, везде и всюду защищать мусульман от гяуров, а во-вторых (и в-главных) исполнять завещание Пророка насчет подчинения Исламу всего «неверного» мира. Учитывая, что это была эпоха Сулеймана Великолепного, работа в этом направлении велась, и велась удачно – от Вены до внутреннего Ирана. Великая Степь и Россия, конечно, в этой программе были пунктами не первоочередной важности, но, учитывая фактор Девлет Герая, способного и готового возглавить мусульманский «Drang nach Norden», пренебрегать ситуацией на нижней Волге царское правительство не могло и не собиралось. Так что уже в октябре 1553 года Иван обсудил «астраханское дело» с посланцами отсидевшегося в степях Исмаила, а три месяца спустя официально, устами посла Микулы Бровцына, уведомил союзника о готовности «по весне Аштархан упокоить и другу Исмаилу ханство возвратити». Даже отчаянная попытка мурзы Юнуса изменить ситуацию, бросив весной 1554 года на Москву практически всю Ногайскую Орду (около 120 тысяч всадников) не остановила приготовлений: в районе Серпухова ногайцы были разбиты, сам Юнус сгинул где-то в степи, после чего к власти вернулся Исмаил, а русские войска – 30000 бойцов «со многими пушками и со всяким воинским снарядам», казаки и нукеры Дербиш Али (по любым меркам, сила очень солидная) – начали движение на юг. 27 июня возле Черного Яра, даже без поддержки конницы Исмаила («великий мурза» опоздал к месту сбора), передовые отряды Ямгурчи были разбиты. 2 июля сдалась без боя покинутая ханом Астрахань. Сам хан, сперва предполагавший ждать помощи из Крыма, партизана в болотах дельты, резко передумал, и, бросив на милость победителей гарем, кинулся спасаться в турецкий Азов, по ходу дела в стычке с преследователями потеряв всю гвардию, прикрывавшую отход суверена. 9 июля на астраханский престол в очередной раз вззошел Дербиш Али, торжественно присягнувший на «вечную верность».

Согласно договору, за царем было признано право определять наследников правящих ханов, пошлины на торговлю и рыбные промыслы для русских купцов отменялись, а на ханство налагалась ежегодная дань (1200 рублей серебром и 3000 осетров размером в 2,5 метра). Вве-

дение в город ограниченного контингента русских войск в документе не оговаривалось, подразумевая само собой, причем Дербиш Али, достаточно поживший среди русских и даже слегка обрусевший, не только ничуть не возражал, но, напротив, был этому нюансу очень рад. Как и большинство «коренной» туземной элиты. Однако от их мнения уже мало что зависело. Бахчисарай встал на уши – и уже спустя несколько месяцев в Ногайской Орде вспыхнули серьезные беспорядки, спровоцированные родственниками покойного Юнуса, вынудившие Исмаила, обязавшегося «по воле царской» присматривать за порядком в регионе, отвлечься на более актуальные для него проблемы. Одновременно в плавнях дельты объявился Ямгурчи, начавший перехватывать караваны и вообще всячески докучать. А главное, Дербиш Али посетили тихие, никому не ведомые люди, сообщившие, что Крым готовит последний и решительный поход на Москву, который, безусловно, завершится победой, так что пусть его высочество поскорее решает, на чьей он стороне, и если решит неправильно, пускай потом пеняет только на себя. Так что поздней весной 1555 года в Астрахань вошел крымский отряд, наполовину (300 янычар и 700 спахи) состоящий из турок, а царский наместник Кафырев в ответ на вполне резонный вопрос, что тут, собственно, происходит, услышал, что никто ему, гяуру поганому, отвечать не обязан. И вообще пусть он со своими собаками убирается восвояси, пока хан добрый.

Порядок быть должен

Откровенно говоря, в какой-то степени Дербиш Али можно понять. Он не был врагом Москвы, скорее наоборот, он долго жил там, имел много друзей, он, в конце концов, ненавидел Ямгурчи, но, вот беда, Москва была очень далеко, а крымские всадники могли появиться в любой момент. Человек просто сделал выбор, как ему, несомненно, казалось, лучший из возможных в той ситуации. И, как показало самое ближайшее время, ошибся. Очень жестокая резня в Степи оказалась непредвиденно кратковременной: крымское золото до простых джигитов не доходило, а торговля с Москвой была нужна всем, так что все завершилось в итоге не просто победой Исмаила, но реальным сплочением под его бунчуком всей Ногайской Орды. Уцелевшие диссиденты, недруги Москвы, бежали прочь, кто в Хорезм (где эмигрантам, кстати, со временем пришлось очень несладко), кто на Кубань, под крымскую крышу, где беженцев приветили, но воли не давали. Параллельно, вопреки всем ожиданиям и прогнозам, 4 июля поражением во встречном сражении при Судбищах завершился и масштабный (60 тысяч сабель), позже названный «первым» поход Девлет Герая на Москву. Теперь, когда все козыри были биты, астраханской шестерке оставалось только ждать исполнения приговора. А Москва измен не прощала. Правда, и муху в слона не раздувала: карательный поход готовился не менее тщательно, нежели предыдущий, но куда менее масштабно – кругом-бегом не более 3000 бойцов, в десять раз меньше, чем два года назад. Фактически, не слишком большая полицейская операция.

Впрочем, хватило и этого. В начале августа московские войска вышли к Астрахани и – опять безо всякого труда – заняли ее, причем гарнизон даже не сделал попытку запереться в Кремле. Затем, после коротких, иногда ожесточенных стычек с крымцами и турками в плавнях, была уничтожена полевая ставка хана. Дербиш Али, как совсем недавно Ямгурчи, бежал в Азов. Там, за что-то обидевшись на турок, запросил Москву на предмет «Я больше не буду» и, не получив ответа (для Кремля он стал, что называется, нерукопожимаемым), эмигрировал в Мекку, а родня его, в основном, после ряда злоключений всплыла в Бухаре, где спустя полтора века потомки беглецов оказались даже на престоле. В общем, мир заключать было не с кем, да никто уже и не собирался. 26 августа 1556 года жителям города было объявлено, что титул «Царь Астраханский» отныне включается в полный чин именованья Царя Московского и Всея Руси, править бывшим ханством отныне будут воеводы, а новым подданным гаранти-

руются защита от всех супостатов и обширные торговые льготы. Процедура присяги прошла спокойно, всего за несколько дней. Полгода спустя уже не союзником, а подданным Москвы признал себя и «великий мурза» Исмаил, обеспечив тем самым себе и своему потомству десятилетия – аж до появления калмыков – спокойной власти. На верность «белому государю» присягнули и племена башкир, что, учитывая специфику региона, означало признание власти Москвы всеми бывшими подданными Сарая (впрочем, о столь интересном нюансе, как «башкирский фактор», мы, дайте срок, обязательно поговорим особо). Отныне границей России на юге и юго-востоке стал Терек, а на востоке – Урал, за которым начинались владения уже вполне готового к употреблению и активно на него нарывающегося Сибирского ханства.

Реконкиста

Впрочем, все только начиналось. Вторую после поражения под Судьбищами плеху подряд Девлет Герай, видимо, воспринял как вызов Судьбы на поединок, а он был из тех людей, которые не боятся побороться и с Судьбой. Не бросаясь на рожон сразу, он на время занялся другими делами, приводя в порядок отношения с крымскими мурзами и приручая джигитов успешными походами за добычей, а в 1563-м, собрав армию то ли в 40, то ли в 50 тысяч сабель, попытался взять реванш, атаковав Астрахань. Правда, неудачно, зато сделав выводы: силами степной конницы отстроенную русскими «правильную» крепость с мощным (около 1000 стрельцов) гарнизоном и хорошей артиллерией не взять. То есть без турок не обойтись. А следовательно, надо работать со Стамбулом. Три последующих года, как сообщал государю Афанасий Нагой, московский посол в бывшем Царьграде, крымские представители активничали на Босфоре, лоббируя среди визирей и пашей идею хана. Сперва без особого успеха: в Стамбуле понимали, что в реализации проекта заинтересован в основном Бахчисарай, и не видели смысла отвлекать силы с традиционных фронтов на авантюру, даже в случае победы чреватую появлением на севере нового претендента на роль лидера исламского мира. Так что, пока мудрый и опытный Сулейман был жив, вопрос хотя отказа не встречал (никто не понял бы), но тормозился в инстанциях. Однако после смерти великого султана новые люди из окружения Селима II сочли нужным утверждать себя собственными идеями и победами – и весной 1569 года Девлет Герай получил, наконец, долгожданное «добро». А также 3000 янычар, лучшей пехоты тогдашнего мира, во главе с опытным, из сулеймановской плеяды полководцем Касим-пашой и группой европейских военных инженеров. Предполагалось, пройдя «водой» из Азова вверх по Дону, прорыть канал, чтобы доставить к Астрахани тяжелую осадную артиллерию. Не получилось – рельеф местности исключал простые варианты работ, а искусство обустройства системы шлюзов османским специалистам еще не было знакомо, однако в сентябре крымско-турецкое войско, таща посуху малые и средние калибры (осадные бомбарды пришлось оставить на судах) все же достигло Астрахани.

С ходу, однако, взять город не вышло, осада же с самого начала не задалась. В первый же день зарядили ливни, делая жизнь осаждающих трудно выносимой, попытки взрыва стены, а затем и подкопа русские саперы предугадали и предотвратили, а генеральный штурм, несмотря на всю выучку янычар, закончился ничем, причем в отражении его, наряду с гарнизоном, участвовали почти поголовно все астраханские татары, способные держать оружие. «Освободителей», как ни странно, никто не ждал. Дожди не прекращались, губя порох и продовольствие, то и дело налетали «русские» ногайцы, справиться с которыми, не зная местности и путаясь в плавнях, крымские всадники не могли. Спустя неделю янычары начали роптать, и Касим-паша, зная, чем такой ропот чреват, поставил перед ханом вопрос об отходе. Скандал вышел грандиозный. Девлет Герай требовал остаться на зимовку, упирая на то, что он тут главный, паша резонно возражал, что начальство его сидит в Стамбуле, а жрать нечего, порох промок, греться и сушить промокшее нечем, так что его парни на взводе и, ежели взбесятся,

порвут всех на фиг. До стычки, правда, не дошло. 26 сентября Касим отдал приказ отходить к Дону, на следующий день то же самое сделал и Девлет Герай, запретив своим джигитам прикрывать отступающих янычар от ногайских налетов. В итоге до Азова добралось менее трети турок, выступивших в поход. Бедного пашу по приказу из столицы удавили, а хан отметил такую радость пышным пиром с фейерверками, однако вскоре и загрустил, поскольку очень скоро, в начале 1570 года, Порты, изучив вопрос, официально уведомила Москву об отказе от претензий на Астрахань.

Ва-банк

Фактически это означало крах проектов хана. Однако Девлет Герай был Девлет Гераем. Не прося у Стамбула ни разрешения, ни помощи, он в 1570-м учинил большой набег на Рязань, показав джигитам, что русских вполне можно бить, а в 1571-м, скоординировав действия с поляками, организовал знаменитый «великий поход», не просто жутко разорив южные русские земли, но даже спалив Москву (кроме Кремля) и вынудив Грозного просить мира в крайне унижительной форме. Царь, похоже, был всерьез потрясен и готов на многое. Он не только предлагал уступить крымскому коллеге Астрахань, но и – чего не случалось ни до, ни после, – выдал на расправу «хранителю веры» крымского эмигранта, принявшего на Москве православие. На беду хана, его уже несло вразнос. Возомнив себя как минимум Тохтамышем, он требовал еще и Казань, а также, по сообщению ряда авторов, «выходов» как при давно забытом Амурате, отказа «московского князя» от царского титула и согласия получать ярлык на княжение в Бахчисарае. Едва ли, кстати, веря в согласие. Напротив, согласие ему в этот момент, на гребне успеха, нужно было менее всего – теперь, на фоне сторевшей Москвы, ему было что предъявлять Стамбулу, не прося, а требуя у султана и халифа поддержки. Которая и была, невзирая на официальный демарш двухлетней давности, оказана. Впрочем, как известно, у корриды свои законы. Бывает, что бык матадора, но, как правило, матадор быка. Летом следующего, 1572 года, 120-тысячное крымское войско, поддержанное 8-тысячным корпусом янычар и турецкой артиллерией, было остановлено, опрокинуто и едва ли не поголовно уничтожено вдвое уступавшей ему по численности армией Михаила Воротынского при Молодях. Этот поход стал последней крупной кампанией Крыма против России и – по факту – началом конца его «симбиотического» статуса в составе Порты. Что до «астраханского вопроса», вернее сказать, «вопроса о правопреемстве», то он был решен окончательно и бесповоротно. Однако, сказав «а» и «б», не сказать «в» было уже невозможно...

Глава III. Мужские игры на свежем воздухе

Право собственности

Насколько можно судить, в Западной Сибири, на удобных для кочевья берегах Иртыша и Тобола, не говоря уж о Барабинских степях, тюрки, крохотные осколки Великого Переселения народов, появились очень давно. Где-то в XI веке созрело даже нечто, похожее на государство со столицей в городе Кызыл-Тура, Красная Крепость. История его смутна и почти легендарна; казанские историки, плотно поработав, предлагают составленные по отрывкам отрывков списки правителей, естественно, по их мнению, вассалов Великой Булгарии. Как бы то ни было, люди жили, облагали данью манси, хантов, прочие малые народцы, обеспечивали безопасность транзита на участке Хорезм – Волга, решали (почему другим можно, а нам нет?) местечковые, но важные для них вопросы наследования, слегка, но без лишнего напряжения интересовались исламом. И так примерно аж до монголов. Которые прибрали «страну Шибир» настолько легко, походя, что этот поход даже не описан в летописях. Известно лишь, что некий Тайбуга, князек мелкой (500 всадников) кипчакской орденки, кочевавшей под Бухарой, примкнув к Чингисхану, оказал какие-то услуги, а затем выпросил у Потрясателя Вселенной право заводить себе юрт (удел) по рекам Ишиму, Иртышу и Туре. Взамен обязавшись верно и аккуратно платить «тюмень», дань с 10000 человек (минимальная ставка для «автономий» в составе Орды). Поход удался. Старую династию вырезали, учредили конфедерацию двух княжеств, Чинги-Тура и Искер, по количеству наследников Тайбуги. В принципе, смена династии мало что изменила, разве что «примучивать» малые народы новые власти стали намного успешнее, да еще ислам, раньше проникавший понемножку, с купеческими караванами и бродячими дервишами-энтузиастами, и бывший делом сугубо добровольным, стали насаждать силой. В конце XIV века грянула даже настоящая «священная война», стоившая жизни многим бухарским миссионерам. В итоге язычники, как положено, проиграли, ислам утвердился, но не очень: влияние Бухары в городах стало неоспоримым, зато в лесах «идолопоклонники» рулили и полтора века спустя.

Обязательства перед Ордой наследники Тайбуги блюли четко, что, однако, не спасло их от головной боли. Сложности боссов, как водится, отразились на низах; когда в самом начале XV века, проиграв в очередной раз, в Западную Сибирь отступил амбициозный неудачник Тохтамыш; он – по сути, нуль без палочки, но все же Чингизид с парой тысяч нукеров, – в этих малолюдных краях стал бесспорной величиной. А потому легко занял престол в Искере, оставив вассалам-Тайбугидам только Чинги-Туру. Чуть позже, добив Тохтамыша, знаменитый эмир Едигей устроил здесь своего рода «теплицу», где держал ручных потомков Чингисхана, доставая по мере надобности. После гибели Едигея его сын Мансур сажает на престол Сибири и основанной покойным папенькой Ногайской Орды очередного «законного» хана Хаджи Мухаммада, перебравшегося из Искера в древнюю Кызыл-Туру. Акцией этой он явно показал, что намерен покончить с разделом юрта, за что, скорее всего, и погиб от рук узбекского хана Абулхаира, тоже потомка Чингисхана по линии Шейбани, вовсе не заинтересованного в том, чтобы в Сибири появился сильный претендент. На какое-то время чинги-турские Тайбугиды, Махмутек и Ахмад, возвращают себе прадедовский юрт, уйдя под крышу Узбекской Орды. Когда там начались проблемы, ногайцы берут реванш: Ибрагим, он же Ибак – внук убиенного Хаджи Мухаммада, в 1480-м не просто возвращается, но и уничтожает княжество Тайбугидов, сделав их столицу, Чинги Тура, центром всего юрта. Однако сыновей казненного князя все же пощадил, дав им в кормление маленькие уделы на периферии. Судя по всему, он был человеком достаточно гуманным – по меркам степных войн род врага считалось разум-

ным искоренять, но, с другой стороны, речь все-таки шла не о Чингизидах, права на ханский титул помилованные не имели, так что, как, скорее всего, рассуждал хан, и не были опасны. Насколько он ошибался, выяснилось очень нескоро.

Собственность по факту

Ибак был человек серьезный, на две головы выше прочих. Покончив с внутренними проблемами, он занялся большой политикой, 6 января 1481 года разгромив и убив Ахмада, последнего хана Золотой (тогда уже просто Большой) Орды, незадолго до того безуспешно ходившего на Русь, а «весь ордабазар поведе с собою». После чего сообщил в Москву, что отныне «ставка Бату-хана пребывает в Тюмени». Учитывая, что под бунчуком Ибака на тот момент собрались Сибирь, Ногайская Орда и остатки Большой Орды, это соответствовало истине. Была, правда, еще и Казань, в то время уже протекторат Москвы, но Ибак не скрывал, что намерен решить и этот вопрос, активно зазывая и привечая казанскую оппозицию. В сущности, Орда Ибака стала региональной сверхдержавой, и, видимо, как раз это его и погубило. Ногайским бекам хан с тяжелой рукой не нравился; они то смещали его, то звали обратно, но и позвав, всячески ставили палки в колеса. Еще больше опасались активного сибиряка казанские мурзы, не жалевшие средств на поиски решения. Так что убийство Ибака в 1495-м людьми князя Мухаммада, отпрыска неосмотрительно недорезанных Тайбугидов, следует рассматривать как грустную закономерность. В родовом гнезде убийца, правда, оставаться не стал, немедленно перебравшись в Искер, Чинги Тура же с округой осталась за семьей покойного хана, спасенной от полного изгнания казанскими эмигрантами, но главное – подоспевшими ногайцами, надевшимися с их помощью давить и на Сибирь, и на Казань. Что и имело место аж до 1530 года, пока Тайбугиды, набравшись сил, не упразднили княжество.

Как бы то ни было, переворот Мухаммада следует считать моментом рождения Сибирского ханства как самостоятельного государства, ни на что, кроме своих традиционных владений, не претендующего и ни с какими Ордами себя не соотносящего. Учитывая, разумеется, что с точки зрения тогдашнего международного права государство это было хотя и состоявшимся, но не вполне легитимным – сами Тайбугиды именовали себя ханами, но в глазах зарубежной общественности таковыми, естественно, не были, именуясь в дипломатической переписке только беками. Их это, впрочем, не слишком волновало. Жизнь понемногу налаживалась, при Ядгар-Гази (Едигере) и его брате Бек-Булате, внуках Мухаммада, нашли общий язык (караванная торговля – святое дело) даже с ногайцами, а в 1555-м Едигер отправил Ивану Грозному поздравление с победой над Казанью и предложил себя Москве в вассалы и данники. Не из врожденной, ясен пень, поделчивости, а имея в виду гарантии против засевших у ногайцев и в Бухаре Шейбанидов. Грозный, естественно, предложение принял, положив Сибирскому «княжеству» тысячу соболей и тысячу белок ясака на год, по ходу дела заодно и выяснив, что податных душ под рукой нового вассала числится 30 700 (хотя, скорее всего, раза в полтора больше, поскольку многие наверняка от переписи уклонились). Дело, однако, было не в соболях. По чести сказать, Кремль мог бы и сам приплатить, поскольку политически важность «демарша Едигера» была неоценима: впервые именно Москве, юридически, как ни крути, одному из осколков Орды, добровольно (!), без завоевания, присягнул на верность другой, формально ничем не отличающийся осколок. По факту, это было доказательством того, что московский Царь – настоящий, и, стало быть, имеет не только право облагать данью всех «менее равных», но даже обязан покончить с сепаратизмом, восстановив «большой улус». А что первыми новые реалии признали какие-то второстепенные Тайбугиды, так это, в сущности, неважно. Лиха беда начало, главное, что процесс пошел.

Возвращение государя

На беду сибиряков, именно в это время Москве было не совсем до них. Назревала война за раздел ливонского наследства, и все внимание Кремля было приковано к западному направлению. А между тем на арену вновь вышли Шейбаниды. После долгих и тяжелых войн далеко на юге вновь усилились узбеки, успевшие из кочевых стать вполне оседлыми. Абдулла, хан Бухары, один из последних великих потомков Чингиса, принял решение вернуть под власть своего дома все, что было утрачено за годы смут. Из нафталина был извлечен престарелый, слепой и глухой сибирский наследник Муртаза бен Ибак, благословивший на поход сына, очень шустрого и хваткого Кучума. Абдулла, приняв присягу на верность, дал протеже несколько сотен конницы, после чего протеже резво захватил Кызыл-Туру, а затем, правда, после довольно нудной войнушки, добрался и до Искера, списав при взятии крепости в расход и Едигера, и Бек-Булата, и всех попавшихся под руку потомков Тайбуги. С этого момента Сибирь, наконец, стала настоящим ханством во главе с потомком Чингисхана. Причем абсолютно независимым, поскольку Ногайская Орда к тому времени отказалась от «собственных» ханов, номинально уйдя «под Крым», а бухарец Абдулла, хотя как бы и суверен, однако пребывал слишком далеко, чтобы вмешиваться. Да и не собирался – для него усадить родню на трон было делом принципа. Ну и, конечно, меха...

Совсем иное дело – Москва. Тайбугиды для нее были мелочью, нижней строкой в списке политических приоритетов. Зато теперь, когда в Сибири пришел к власти настоящий чингизид, допустить прекращение дани было невозможно. Кремль на это намекнул крайне жестко, и Кучум, желая выиграть время для укрепления на престоле, все подтвердил и все выплатил, так что Москва ни о чем худом не думала аж до 1569 года, когда, добив последних защитников дома Тайбуги, Кучум приостановил выплату дани. Кремль зарычал. Хан уступил. Но в 1571-м, после погрома Москвы крымцами, отказался от выплат официально. Более того, в 1573-м отправил племянника, Махметкула, в «строгановскую» Пермь, восстанавливать старые порядки. Хотя, согласно строгому приказу хана, русских татары не трогали, убивая и грабя только коми, для Москвы эта сибирская акция была крайне неприятна: именно туземцы платили Строгановым пушной ясак, львиная доля которого шла в истощенную войной царскую казну. К тому же Кучум, следуя примеру деда, Ибака, широко открыл двери всем беглым казанцам, еще не прекратившим сопротивление, и был признан ими в качестве кандидата в «освободители» Казани. Более того, наладил отношения с ногайцами, а через них и с Крымом, замирился с казаками, ранее «промосковскими», но к тому времени уже, так же как он сам, ставшими вассалами Абдуллы, и, наконец, выписал из Бухары «сеидов» (потомков Пророка), начавших обрабатывать население на предмет подготовки к джихаду против неверных. Короче говоря, Кучум становился серьезной проблемой для Москвы. Но в первую очередь – для уже упомянутых Строгановых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.